

Цена 15 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

24
(869)

ISSN 0132-2141

АЛЕКСЕЙ ХОДАНОВ

**СХОЖУ-КА
Я
ЗАМУЖ!**

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Рабочий день автора состоит из телефонных звонков, сопещаний, далеко не задушевных споров с авторами, всякого рода неожиданностей, большинство из которых не вызывает положительных эмоций. Автор работает ответственным секретарем «Крокодила» и, планируя номера, никак не может спланировать свой рабочий день.

Поэтому рабочий день автора беспорядочен и наполнен энергичной суетой, при том, что кабинет его — своеобразный клуб, куда приходят поговорить и отдохнуть люди, которым наскучило дома.

К тому же, если открыть окно, что необходимо время от времени делать, учитывая концентрацию табачного дыма, то голоса посетителей потонут в равномерном мощном гуле. Самого Большого в Европе Путепровода, который растекается бетонной рекой с многочисленными рукавами вдоль фасада редакционного корпуса.

Остается только добавить, что в таких идеальных для творчества условиях автор написал свою пятую книжку, которую и предлагает читателю с тайной надеждой, что встреча с ее героями не окажет снотворного действия...

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 24

АЛЕКСЕЙ ХОДАНОВ

СХОЖУ-КА Я ЗАМУЖ!

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1980

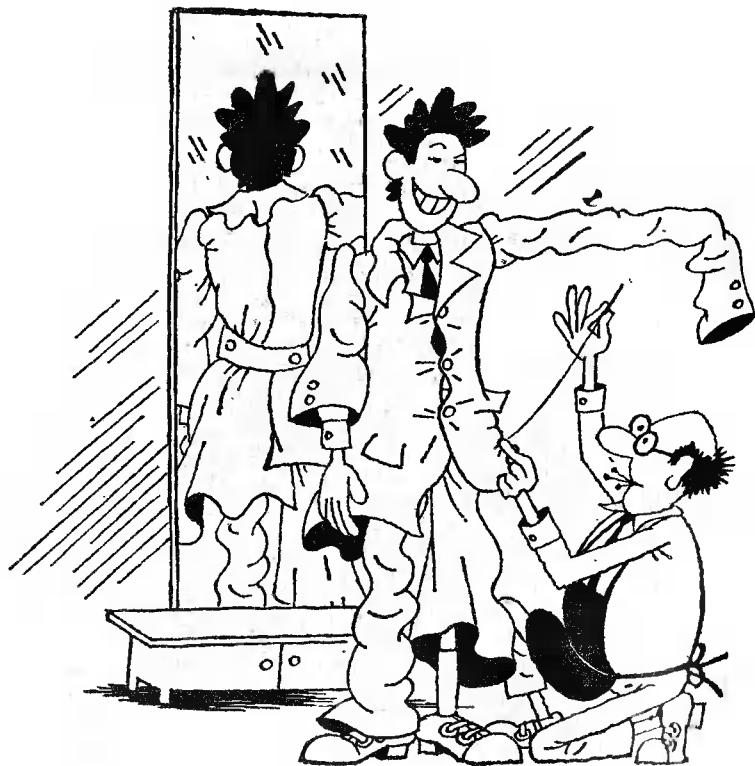
МОНОЛОГ ФЕЛЬЕТОНИСТА

ЖИВУЛЬКА

Дорогой Крокодил!

Посмотри на нас и погорюй вместе с нами. Дело в том, что в нашей столовой нет стаканов и третье нам подают в тарелках. А на наши просьбы отвечают: «Вы что, не понимаете по-русски, что нет стаканов?» Мы многократно обращались к администрации столовой, но — никаких результатов...

4000 работниц М-ой обувной фабрики.

Кем бы вы ни были, дорогой читатель, вы когда-нибудь да захаживали в ателье, и именно там, в закутке, отгороженном несмыкающимися занавесями на огромных грохочущих металлических кольцах, предстал перед вами румяный от смущения клиент, примеряющий долгожданный пиджак. И вы, конечно, невольно замечали, что все сидит на клиенте как и полагается, за тем лишь исключением, что части швейного изделия прихвачены

слабенькой ниткой, вроде бы готовой вот-вот порваться, но тем не менее надежно несущей свою службу.

И действительно, если задуматься, то это только на первый взгляд замечательный пиджак готов рассыпаться от неосторожного движения. А на самом деле зыбкая нитка — довольно крепкая нитка, и вы даже замечаете, что клиент, освоившись под посторонними взглядами, вполне уверенно размахивает руками.

Так вот, дорогой читатель, нитка эта, как вы уже поняли, не простая. Она, представьте себе, даже упоминается в знаменитом словаре Даля, и портные многих поколений просто не мыслят без нее своего рабочего дня. И совсем неспроста у нее такое веское и значительное название: «живулька». Как вы понимаете, от самого главного слова — «жить».

Если бы растерянный клиент знал про это, он бы сразу выпрямился, развел плечи и успокоился: живулька не подведет. Более того, скажу я вам, клиент мог бы, если захотел, пойти в таком пиджаке на работу, и все было бы в порядке. А что — поудивляется народ и забудет. Конечно, в рукава со стороны плеч будет проникать ветер, и в автобусе в час пик возникнут кое-какие неудобства, но тем не менее щеголять в пиджаке «на живульке» вполне можно.

Вспоминается мне в связи с этим одна история, очевидцем которой я был когда-то. Дело происходило в большой деревне. В ней протекал ручей, и мост через этот ручей вдруг сломался. Надо было срочно строить новый, но председатель колхоза, который был во власти уборочной страды, распорядился иначе: велел перекинуть через ручей два бревна. Прихватить, так сказать, проблему «на живульку». Так, временно, пока в разгаре уборочная пора. А мост, конечно, будет, ведь на то он и мост, чтобы ему быть. Только потом. А пока так, по бревнам. Конечно, без комфорта, но ведь можно? Можно.

Так и пошло. Ходят люди по бревнам, балансируя, как начинающие канатоходцы, мучаются, но знают: временно это, будет мост. Потом будет. Но потом засвистела метель, народ облегченно вздохнул и стал пересекать ручей по надежному льду, и о мосте уже, естественно, никто не говорил. Весной же новые заботы: посевная. Как говорится, не до того, а к лету — засуха — пересох ручей, и снова нет проблем. Так вот, незаметно, под аккомпанемент времен года и сельских будней бревна, положенные «на живульку», укоренились, подернулись диким мохом, срослись с глиняными берегами и прочно вошли в деревенский архитектурный ансамбль.

Ах, живулька, живулька! До чего же многолика и живуча скучная суровая нитка, пришедшая к нам из портновского далека.

Смотрю я на этих молодых, очень симпатичных женщин, которые пьют компот и какао из огромных тяжелых тарелок, и опять же вижу живульку.

Так уж и нет стаканов? Неужели? Не верю! Стаканы лежат там, где надо. Но пока они лежат там, где лежат, компот можно пить из тарелок. Это уж точно! Не навсегда из тарелок, а временно, временно! Пока нет стаканов, которые будут, будут!

И пошли в ход прихваченные «на живульку» увесистые металлические тарелки-миски. Ставит такую миску перед собой милая голубоглазая девушка и тихонько оглядывается по сторонам: наслаждаться кофе, приблизив тарелку двумя руками, неловко, а прибегнуть к столовой ложке просто даже смешно, не харчо же! Одно утешение: не ты одна в таком нелепом положении.

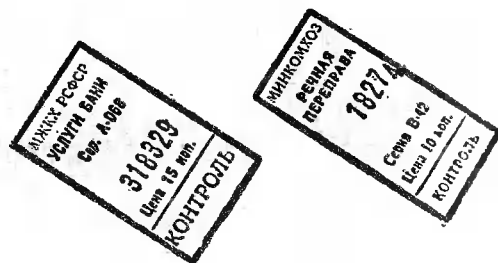
...Кто-то разбил стекло в подъезде, и косые струи дождя пулеметными очередями расстреливают жильцов, спешащих на работу. Огорченные жильцы надеются, однако, что, возвратясь домой после трудового дня, найдут окно застекленным.

И действительно находят. Зафанеренным. Уныло стало в подъезде, темновато. Но на все вопросы у домовой администрации один утешающий ответ: временно. Администрация даже обижается: в помещении-то сухо стало, сквозняков нет. Потом застеклим. Обязательно. Потом.

Но потом жильцы просто привыкают к фанерному окну, так как человеку свойственно привыкать к окружающей обстановке, и все становится на свои места.

Как просто и легко пользоваться живулькой! Правда, если пришивать рукав к пиджаку, надо пуд соли съесть, чтоб не морщило, чтоб как влитой рукав был. Но это без живульки. А с ней раз, два, три — и все: висит рукав на пунктирной строчке, и видимость пиджака налицо.

Скажем, продавали билеты в баню города Сердобольска, как обычные билеты установленного образца, а когда их запасы стали иссякать, начали продавать вот что:

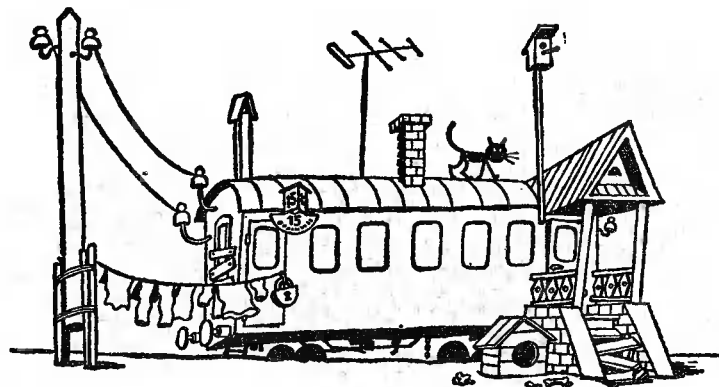
И разгоряченный помывкой посетитель, вытаскив вместе с мелочью на пиво остатки билетов, прочтет случайно эти странные до безумия слова и подумает, что наверняка пересидел в парной и голова кругом.

Но мы-то с вами, дорогой читатель, знаем, что это такое. Чу, вы слышите? Та же самая ссылка на «временно», на «пока», вот, дескать, переждемся немного — и будут настоящие билеты. Да ведь это же живулька, только с банным уклоном!

Вспоминается мне и письмо с одной комсомольской стройки. Про живульку, обернувшуюся старыми вагонами, в которые временно поселили ребят, обещая скорый переезд в новый дом. «Скорый переезд» затанулся на год, а дом тем временем заселили. А на жалобы одна отговорка: так ведь временно, потерпите! Вода есть, крыша есть, даже музыка есть, а уж о молодости-то, когда все впереди, и говорить не приходится; ее даже больше чем надо!

Хорошая это лазейка — живулька! Никаких тебе усилий, а видимость заботы налицо. И заботы и работы. А главное, железная формула, которой нельзя не верить: временно! Действительно это так — временно. Но, спрашивается, зачем терпеть неудобства даже временные, зачем временно портить себе жизнь из-за чужой нерадивости, черствости, лени и равнодушия?

А вообще-то я ничего против живульки не имею. Если употребляется она по своему прямому назначению, в портновском деле.

Подошел ко мне на улице незнакомый мужчина и вызвался поднести сумку с продуктами, а когда я отказалась, он говорит: «Не стесняйтесь, я же ваш сосед!» Самое забавное, что он действительно оказался соседом: десять лет живет этажом выше, но я никогда его не видела. Не кажется ли вам, что сосед как таковой вымирает?

Ю. ФОМЕНКО, г. М-а.

Прочитал я это письмо, придя домой после работы. Вокруг стояла оглушительная тишина: ни шороха, ни звука. Просторная лоджия была прочно перекрыта непроницаемой стенкой, и за перегородкой вроде бы никто не жил. Все окна в доме напротив были тщательно зашторены.

Я сел на подоконник и посмотрел на улицу. Рядом поблескивала овеванная дождевой пылью пожарная лестница, и мною внезапно овладело фантастическое желание: захотелось вдруг, чтоб по ней забрался мой старый, потерявшийся теперь в дебрях новостроек сосед Ромка-Ромео, как это он делал иногда, если возвращался за полночь, а входная дверь была на цепочке. Чтоб, подтянувшись на последней перекладине, он прыгнул на подоконник моего гостеприимно распахнутого окна и, поскрипывая мокрыми кедами, прошел в свою комнату напротив.

По пути мы перебросились бы с ним последними анекдотами, поговорили бы о подледном клеве, он бы стрельнул у меня трешку, я у него сигарету.

— Представляешь,— сказал бы он мне перед тем, как исчезнуть,— три мужика в один день на одном стадионе взяли высоту два тридцать, понял, как пошло дело!

Я оторвал взгляд от лестницы и с тревогой подумал о том, что вот уже несколько лет, переехав в новую квартиру, не видел своих новых соседей. Это кажется невероятным, но я не знаю, кто живет подо мной, напротив и на первом этаже, возле лифта. А уж про другие этажи и говорить не приходится. Такое впечатление, что дом населен сплошными невидимками.

Какие-то силуэты время от времени мелькают по подъезду, кто-то иногда проскальзывает с детской коляской, кто-то с соба-

кой на поводке, но из-за вечной спешки я никак не могу их запомнить.

И вдруг меня поразила тревожная мысль: а что если сосед действительно вымирает по причине всеобщей цивилизации? Ну, как, скажем, в свое время незаметно вымер динозавр, которому просто стало тесно, и он превратился в ископаемое. Правда, теснота нынче исчезает, но, может, в этом-то все и дело! Ужасно, если это так, но ведь испарилось же из моего лексикона, ну если не совсем, так почти замечательное слово «соседи». Переехав из коммунальной квартиры в отдельную, я, сам того не ожидая, потерял их, кажется, навсегда.

А ведь было время, когда соседи стояли на втором месте после близких родственников и жизнь не мыслилась без общения с тетей Дусей, что жила возле кухни, с дядей Гришей, который занимал проходную комнату и вечно смолит на лестнице свою «козью ножку», с ровесником Ромкой-Ромео, приковавшим себя к телефону, посредством коего шло общение с Джульеттой, и тем самым раздражавшим портниху Леокадию Гавриловну, которой звонили клиентки. Тетя Дуся одалживала соль и спички, дядя Гриша сообщал последние хоккейно-футбольные новости, Ромка-Ромео менялся со мной конспектами лекций, а Леокадия Гавриловна, ловко орудуя машинкой «Зингер», производила бесплатный мелкий ремонт наших носильных вещей. Если кому-то было плохо, вся квартира бросалась на помощь. Было шумно, было весело, было дружно, хотя, конечно, как и в каждой большой семье, дело не обходилось без ссор. Но, даже поссорившись, все знали: за стеной люди, которые в трудную минуту не подведут.

Когда дом пошел на слом, всем дали отдельные квартиры, и бывшие соседи, а ныне ответственные квартиросъемщики, радостно попрощавшись, разлетелись кто куда. Теперь мы видимся очень редко, но зато расстаемся с грустью. А новые соседи не возникли...

И вспомнился мне старый, довоенный еще фильм «Музыкальная история» про парня-таксиста, который стал знаменитым певцом. Таксиста играл молодой Лемешев, играл с такой искренней симпатией к герою, что все считали: играет самого себя. Но я о другом. В фильме том была одна необычная для сегодняшнего зрителя деталь, занимавшая немаловажное место в авторском замысле. Герой жил в гигантской коммунальной квартире, которая напоминала целое государство. Чего стоила одна кухня, где теснились десятки столов, тумбочек и где действовали очень не похожие друг на друга жильцы. Они по-разному реагировали на таксиста, который, бреясь, услаждал их прекрасными ариями, и зритель, становясь как бы новым соседом, участвовал в забавных домашних приключениях.

Мне подумалось: а что было бы, если б молодой певец жил в отдельной квартире нашего дома-башни? Точно знаю: картина бы не вышла. Потому что исчезла бы атмосфера симпатичного общения, не было бы той душевной человеческой теплоты, которая пронизывает быт главного героя.

Только не считайте, дорогой читатель, что я грущу о времени общих кухонь и призываю всех вернуться в коммунальные квартиры! Трижды нет, ибо все это уже пройденный этап нашей жизни, и каждому ясно: незачем надевать пальто, из которого вырос.

Никому не нужны коммуналки, это бесспорно, и замечательно, что вместо тесных многонаселенных квартир с графиком посещения ванной комнаты идет массовое обеспечение по линии уюта и комфорта. Человеку создаются замечательные жилищные условия. Тяжело дыша, оседают в тучах пыли обветшалые дома, и на их месте вырастают крупноблочные белоснежные лайнеры, плывущие по морю асфальта и зеленых газонов, и гремит вокруг задорная музыка новоселья!

Но я хочу сказать, что, получая долгожданные удобства, люди отгораживаются ими друг от друга, и теперь не так уж часто встретишь тот сплоченный соседский коллектив, который был когда-то обычным явлением. А дружбу терять всегда грустно, тем более добрососедскую.

Мой знакомый Леонид Павлович каждую субботу надевает выходной костюм и едет за тридевять земель, в Теплый Стан, едет для того, чтобы посидеть на лавочке в скверике, сразиться в домино, поделиться новостями. В Теплом Стане живут старые соседи, а новых у Леонида Павловича пока что не получилось...

Я подумал: а так ли уж виноваты условия, в которых мы очутились? Не кроются ли причины отдаления в нашей вечной спешке, в нашей занятости, которую мы возводим в культ, холим и лелеем? Мы проносимся на лифте мимо безымянных для нас квартир, где живут невидимые нами соседи, и мы никогда не остановимся перед чужой дверью, чтобы позвонить и попросить соль или спички. Для этого есть киоск на углу и просторный магазин напротив. Мы никогда не пригласим к себе соседа посмотреть телевизор, потому что уверены: у соседа есть свой телевизор. Мы бежим наверх и звоним в дверь только в том случае, если сосед вдруг забыл закрыть кран и вода сочится на наш белоснежный кафель. Последние футбольные новости мы узнаем из газет, из программы «Время», а ремонт своего костюма делаем в мастерской Дома быта.

А знаете что, дорогой читатель, давайте, войдя в свой дом, замедлим шаги. Давайте поднимемся на свой этаж пешком. Это да-

же полезно, а? Поговорим с симпатичной старушкой, одиноко сидящей у подъезда, и однажды она принесет нам чудесные румяные пирожки с капустой.

И еще вспомним, что в подвальном помещении есть один большой чулан, забитый хламом. Соберемся на субботник, выкинем хлам и организуем свое кафе, у входа в которое никогда не повесят табличку «Мест нет», потому что кафе это — наше кафе и когда захотим, тогда приходим. А самодеятельных гитаристов, сидящих на подоконниках подъездов, пересадим на стулья в специальное место, которое назовем встрадой.

И, наконец, познакомимся друг с другом. Просто постучимся в дверь напротив и, когда ее отворят, скажем:

— Здравствуйте, я ваш сосед.

Пишу я эти строки и ловлю себя на мысли, что ситуацию такую, появившись она в пьесе на бытовую тему, авторы выдали бы за находку. Но, с другой стороны, если взглянуть на такой способ знакомства философски, не является ли он одним из параграфов этикета, обязательного к исполнению?

Честное слово, дорогой читатель, отгораживаясь от соседей стеной своей самостоятельности, приобретаю коммунальные блага, которых нам раньше так не хватало, не теряем ли мы то важное и необходимое, что не восполняют никакие просторные холлы со встроенными шкафами и Дома быта?

Ау, соседи, где вы?!

«...Министерство культуры, Госкино дали указания подведомственным организациям сократить в новых фильмах и пьесах «демонстрацию курения».

(Из статьи министра здравоохранения).

И мне стало грустно, как бывает грустно, когда от тебя навсегда уходит друг детства, юности и зрелости. Тот человек, в обществе которого ты провел столько прекрасных, тревожных, захватывающих, волнующих, счастливых, ужасных часов.

Вот уже поезд, на котором его умчало время, скрывается за горизонтом, миг — и облик его превратился в зыбкий образ, который так трудно удержать в памяти, нещадно размываемой потоком информации.

А ведь это был самый приятный и самый желанный гость, который являлся в те редкие часы, когда в руки попадался зачитанный до дыр фолиант со зловецким силуэтом человека в черных очках и револьвером в руке на обложке или когда на экране возникал фильм, обильно приправленный погонями, допросами, драками в электричках, прыжками по крышам через пропасти улиц, словесными и оружейными дуэлями, визгом тормозов и криками о помощи.

Он был всегда великолепен. В меру молчалив, в меру разговорчив. У него был пронизывающий взгляд билетного контролера, милая привычка выпускать канареек из клеток, уходить из дома непременно в выходные дни, оставляя красавицу жену наедине с приготовленным в качестве сюрприза замечательным обедом.

Но это все так, побочные детали удивительного и неповторимого характера. Главное же заключалось в том, что он ВСЕГДА КУРИЛ.

Он не просто пускал дым, а священнодействовал с сигаретой, наденно зажатой в белоснежных зубах.

— Так, — говорил обычно он, не спеша доставая сигарету и основательно разминая ее музыкальными пальцами (мама так хотела, чтоб он играл на арфе!). — Значит, вы все отрицаете?

Продолжая пристально глядеть в белые бандитовы зрачки, он сладко затягивался, потом очень долго, на едином дыхании выпускал дым, отчего экран превращался в золотое руно. Дым щипал бандиту глаза и органически переходил в сакраментальный вопрос:

— Догадаетесь, кто сейчас войдет в этот кабинет?

Далее следовала новая могучая затяжка, все скрывалось в теперь уже серой пелене дыма, и лишь откуда-то доносился слабый голос преступника:

— Начальник, дай закурить!

И вот они уже курят-священнодействуют вместе, запрокидывая в никотинном кейфе головы, пуская кольца (причем кольца бандита, конечно же, намного мельче колец следователя), сверлят друг друга алмазными буравчиками взглядов, потом бандит паническим движением гасит сигарету и во всем признается.

Арсенал нашего героя был неисчерпаем, ибо он курил все, что можно было курить: трубку, сигару, папиросы «Беломорканал», «козью ножку», цигарку и многое другое.

Табачный дым был одним из главных его подручных средств. Наравне с самбо и каратэ. Табачным дымом щедро пользовались и те, кто создавал героя. Если не хватало драматургии, если диалог был примитивен и скуден, если не выстраивался сюжет, то все паузы, пробойны, все литературно-сценарные раны прочно и надежно затягивал универсальный табачный дым, без которого не обходился ни один детектив.

И вот все кончено. Теперь в следственном кабинете на подоконнике стоит угрюмый пузатый чайник, из которого хозяин кабинета то и дело наполняет свой стакан, оправленный в скучный железнодорожный подстаканник.

Что, скажите, что можно сделать при помощи этого чайника в деле раскрытия преступления? Запутать бандита, расположить к себе трудного свидетеля, помочь самому себе найти истину?

Фальшиво все это, скажу я вам, нежизненно.

Я смотрю на новых детективных героев, гремящих ложечкой и с хрустом кусающих сахар, и на душе становится уныло.

Где, спрашивается, романтика поединка? А что будут делать авторы, у которых выбили из-под пера такую опору?

Я смотрю на точку поезда, который неотвратимо уносит моего героя, так красиво и внушительно умевшего стряхивать пепел с сигареты мудрым указательным пальцем, и мне становится не по себе.

Что-то будет теперь с детективным жанром, тревожно думаю я, что-то будет...

МОРАЛЬНЫЙ ТУПИК

ПОГОРЕЛЕЦ

За каждой строкой этого письма в редакцию угадывалась снисходительная улыбка уверенного в своей правоте человека. Полного сил и жизненной энергии. Мускулистого. Хваткого и ловкого. Твердо ставшего на ноги и обретшего свое счастье.

И это было действительно так, хотя автор письма Коля Ш., восемнадцати лет от роду, твердо стоял на зыбкой почве, а то, что называл он счастьем, имело совсем другое название.

Но это только знал я. Он об этом даже не догадывался. Более того, он поучал меня и разносил по косточкам один из моих фельетонов, в котором я бичевал легкую жизнь.

Должен сказать, что писем от незрелых читателей почта, увы, приносит еще немало, и письма эти в основном такие наивные, что за пять минут в редакционном ответе находятся слова, разящие нелепые аргументы с уверенностью козырного туза.

Случай с Колиным письмом был сложнее, и я сразу это понял. Суть многословного и эмоционального письма, которое едва уместилось в школьную тетрадку, в моем совершенно объективном кратком переложении состояла в следующем.

«Вот вы пишете насчет легкомысленных браков,— свысока обращался ко мне юный читатель,— насчет того, что надо там учиться, становиться на ноги, что диплом делает человека самостоятельным, дает путевку в жизнь, и разные там другие красоты. Но подумали ли вы хоть раз в своей умной рассудительной жизни, что нам, молодым, ни к чему ваши нудные нравоучения, что мы просто хотим красиво жить, одеваться и все такое. Прошло то время, когда молодежь ради разных там наук пила пустой чай и ела черный хлеб, это я по кино знаю, видел неоднократно. Может, наши деды и делали так, но потому, что жизнь тогда была тяжелой, никакого сервиса, жили в коммуналках, что такое такси и телевизор, не слышали. Да что там говорить, вы и без меня об этом знаете! Я хочу откровенно вам сказать, почему мне диплом не нужен. Ни мне, ни моей жене Клавдии, которой, как и мне, восемнадцать. Школу я, конечно, закончил. Понимаю,

школа нужна, чтобы уметь грамотно писать и разговаривать, без чего немислима нынешняя культурная и цивилизованная жизнь. Считаю, что этого вполне достаточно для дальнейшей самостоятельной жизни, которую мы должны строить сами. Лично я работаю шофером на «Волге» и подхалтуриваю — по червонцу в день заколачиваю. Вы поняли? А был бы я инженером с дипломом, что бы имел? Купили бы мы с Клавдией мебельный гарнитур из тридцати двух вещей и цветной телик? Завели бы в сберкассе счетчик? Кстати, Клавдия в столовой работает, все чин чинарем, не ворует, но продукты мы не покупаем. Думаете, Клавдии моей муж с дипломом нужен? Чего ей с таким делать — на морозе гулять? Эскимо кушать? А я за ней на машине заезжаю, домой в комфорте едет, в ресторане с ней ужинаем, подарки дорогие дарю. Мне никакой инженер не конкурент!»

Ошибок в письме не было, мысли были изложены гладко, сочно и даже образно. Неглупый парень, подумал я, сразу видно. И, главное, очень убедительно все и проникновенно написал. Я сразу же представил своего соседа, студента третьего курса Костика, свободно читающего толстые книги, испещренные математическими формулами, и коротающего вечера с любимой девушкой у окошка возле лифта. Что и говорить, Клавдию он бы не отбил, это точно. Да и что он мог ей предложить взамен привычного комфорта в машине, обиденного ресторана и банальных дорогих подарков? Читать на ухо стихи в переполненном автобусе? Гулять, приплясывая от холода, по скованной морозом Театральной площади? Любоваться видом главного собора, купола которого так четко прорисовываются в прозрачном вечернем небе? Или наблюдать с высокого мыса, как сливаются реки Синичка и Лебедь? Впрочем, успокоил я себя, Костик не стал бы отбивать Клавдию уж только по той причине, что она никогда бы ему не понравилась (так мне хотелось верить!). Я еще раз представил Костика зычным голосом заказывающего в ресторане две порции рыбного салата «Ассорти» и бутылочку «родимой», и мне стало даже смешно.

Несколько раз я брался за перо и начинал писать письмо Николаю. Где-то я даже пытался оправдаться и доказать, что никогда не читал правоучений, что мебельный гарнитур и сберегательная книжка не главное, что не учиться — значит жить рабской жизнью, значит, быть слепым в царстве зрячих, ибо все вокруг будет покрыто мраком неизвестности. Что радость по поводу лишнего червонца — не радость, а жадность, моральное обнищание, если впереди только маячит страсть к накоплению этих самых червонцев...

Я размышлял о том, что да, прошли те годы, когда молодые люди жили в холодных общежитиях, голодали, но зубрили науки,

что сейчас другое время и для учебы открыты широкие пути и совсем не надо голодать, что сервис — это тоже необходимо, как хлеб, и что он облегчает жизнь, что когда встаешь на путь обмена и говоришь в гараже, что «барахлил» мотор, а сам «зашибал» денюгу, — это отвратительно, ибо обманываешь товарищей, государство, которое доверило тебе машину, что возить по городу заблудшую пьяненькую парочку, угождая ее жалким требованиям, — это значит превратиться в лакея, которому приятно даже тогда, когда его дергают за нос, лишь бы деньги за это платили, что даже если Клавдия «не ворует», продукты сами собой не появляются, и мириться с тем, что они волшебным образом возникают на столе, — это значит предавать свою совесть, а когда она совсем исчезнет, то...

Я положил перо и задумался. Письмо показалось мне сумбурным и наполненным прописными истинами. Ну, прочтет он эти слова, которые привык читать в фельетонах и в которые приучил себя не вдумываться, и еще больше утвердится в своей правоте.

А что если съездить к Николаю, благо сообщение теперь прекрасное и добраться в соседнюю область — это всего лишь отдохнуть от воскресной суеты в просторном вагоне электрички?

Отправителя письма я застал в большой неудобной комнате, забитой мебельным гарнитуром, очень дорогим и состоящим из множества разнообразных предметов, что все вокруг напоминало филиал мебельного магазина.

Я ожидал увидеть самовлюбленного, уверенного в своем могуществе и правоте вальяжного молодого человека, а на пороге стоял перепуганный худосочный малец в широкой, не по размеру замшевой куртке. Он затравленно смотрел на меня покрасневшими глазами, и я заметил, что руки у него дрожат.

— Ах, вы насчет моего письма... — сказал он, как мне показалось, с облегчением. — Тогда садитесь, пожалуйста.

Он подкатил ко мне кресло, напоминающее миниатюрный вертолет, и я едва не утонул в нем.

— Мне просто захотелось на тебя посмотреть, — сказал я. — И, может быть, поспорить.

— А чего спорить... — вяло пожал плечами Николай. — Это все в прошлом. Сейчас мне спорить ни к чему.

— Это почему же? — удивился я, так как ожидал услышать в ответ иронические слова, приправленные циничной улыбкой, на что у меня был заранее заготовленный убийственный монолог.

— Да что тут темнить, все равно вы узнаете, раз приехали. Погорел я. Застукали, что халтурю, вышибли с треском. Машину заперол, так что все сбережения — тю-тю! Вот и гарнитур в погашение долгов, так сказать, и все остальное.

— А Клавдия?
 — Бросила. Ушла к родителям.
 — А куда ты теперь?
 — Разнорабочим — куда еще? Как говорится, начну жизнь сначала...

Картина была ясна. Я попрощался с погорельцем и вышел.

ФЕДЬКЕ — ЗВОНИТЬ ВЕЧНО!

Разбирая как-то ненужные бумаги, я наткнулся на старую записную книжку и с легкой грустью стал перелистывать забытые имена, канувшие в Лету номера телефонов... На одной из страниц внимание мое привлекла полустертая от времени запись, сделанная незнакомой рукой: «Федьке — звонить вечно!»

«М-да... Кто бы это мог быть?» — подумал я и хотел уже было перевернуть страницу, как вдруг меня осенило: так это же Федька Сидоров, мой однокурсник, закадычный, можно сказать, друг юности, сосед по комнате в самом неустроенном и самом веселом доме на свете — в студенческом общежитии! Помнится, встретились на улице, потребовал он эту самую записную книжку и собственноручно нацарапал свои координаты. И при этом еще ворчал, что забывать старых друзей грешно.

Это надо же, смущенно рассуждал я, сколько общих волнений, конспектов, вечеров в читалках, шпаргалок, и вот хотел перевернуть страницу, чтоб никогда не вспомнить, не позвонить...

Проклиная себя за черствость, я набрал номер и услышал далекий, чуть поглубевший, но такой же знакомый голос:

— Сидоров у телефона!

— Федька! — закричал я радостно. — Это действительно ты, староста знаменитой двадцать четвертой группы?

— Кто это? — строго спросил голос.

— Это я, Лёдик! Помнишь, бродяга?

Трубка помолчала немного, потом укоризненно сказала:

— Я-то помню, а чего сам исчез?

— Да суета, старик, — жалко оправдывался я. — Дни бегут, звонки звенят, сводки шуршат, не успеваю за стол сесть, а уже домой пора, а там семья, сам понимаешь, обязанности...

— Понимаю, — согласился Федька. — У самого так, но я ста-

раюсь не забывать старых друзей, вот только тебя из виду потерял. Где трубишь? Надеюсь, высоко забрался?

— Да нет, не получилось как-то... Экономистом вкалываю в одной маленькой конторе.

— Бывает, и мал золотник, да дорог. Контора-то что выдает?

— Так, ерундистику. Брючные ремешки делаем из кожзаменителя.

— Действительно, ерундистика... — разочарованно, как мне показалось, вздохнул Федька. — Солидные люди подтяжки носят. И сырье-то у вас... Гм... ремешки. Надо же!

— А наших, наших-то встречаешь?

— В основном с ними и общаюсь, Валька Зайцева дочь замуж выдала. Димка Козлов кожаный пиджак купил, аргентинский, архимоднейший, щеголяет.

— Молодец! Годы его не берут!

— Ну, а тебя берут? — Федькин голос подобрел. — На мандолине пилишь?

— Да какое там! На счетной машине пилю. Голова не тем забита.

— А зря... — Федька помолчал немного, потом сказал: — Ну, а квартирные условия у тебя как, ничего? Надеюсь, не в коммуналке живешь?

— Да что ты! У меня трехкомнатная!

— Сколько людей проживает?

— Со мной — трое.

— Ну это еще годится, — Федька покашлял и деловито спросил: — Так, слушаю тебя, Леонард Кузьмич. Давай.

— Что давай?

— Говори, что там у тебя да как.

— Да по-прежнему на Варьке женат, сын в институте...

— Поступить хочет?

— Поступил. Арабский учит, ох, и трудно ему, одно слово «верблюд», говорит, четыре тысячи синонимов имеет!

— С учебниками, что ли, туго?

— Да нет, все есть.

— От картошки освободить?

— Уже вернулся.

— Может, сумку фирменную хочет, чтоб все упали? Есть у меня такая японская — «Спортклуб, путешествия, приключения», в клеточку, а?

— Да нет, есть у него сумка!

— Тогда, может, сессию завалил? Может, похлопотать надо?

— Спасибо... Тройка, правда, есть, но мы исправим.

— Так...— Федька помолчал и, как мне показалось, удивленно спросил: — Ну так что ты?

— Как что? — не понял я.

— Не может быть, чтобы тебе ничего не было надо!

— Да нет, ничего не надо! — радостно сказал я. — Все у меня есть. Тыфу, тыфу, тыфу, конечно! Очень рад был тебя слышать. Никуда не уезжаешь?

— Да нет...

— Надо обязательно встретиться. На днях, лады?

— Лады... — неуверенно произнес Федька.

Я пожелал ему всего доброго и повесил трубку. На душе было легко, совесть понемногу успокоилась. Четкими квадратными буквами я вывел на перекидном календаре: «Федьке — звонить вечно!»

На следующий день жена неожиданно спросила меня:

— Ты чего это Федьке Сидорову звонил?

— Но откуда ты знаешь?

— Валька Зайцева меня разыскала. Федька ей на тебя пожаловался. Совсем, говорит, Лёдку не узнаю. Куда, говорит, подевалась его откровенность, решительность...

— Как... то есть? — обомлел я.

— Да, говорит, чувствую, ему что-то нужно, нашел ведь меня, а о деле говорить стесняется, все темнит, все вокруг да около. Федька-то, оказывается, директор нашего торгового центра! Ты не знал?

— Очень рад за него.

— А за меня? Немедленно позвони ему и попроси вот по этому списку.

С этими словами жена протянула мне длинный лист бумаги, исписанный мелким почерком.

— Да это же неудобно... — начал было я, но встретил такой решительный взгляд, что рука моя сама по себе потянулась к телефонной трубке.

— Федь... — слабым голосом сказал я. — Это я, Лёдик... Ты извини, что я...

— Лады, — сказал Федька, выслушав мой список. — Я все застенографировал. Все, конечно, дефицит, но не для друзей.

— Может, тебе это трудно? Может, я тебя обременил?

— Пустяки, Лёдик! Главное — дружба, которую ничто не вычеркнет из нашей жизни. Вот Валька Зайцева. Свадебное платье для дочери ее достал! Архимодное! Да и Димке Козлову — а он вообще со мной здороваться забывал — пиджак устроил, кожаный аргентинский! Все хорошие ребята, все меня не забывают!

И ты вот объявился... Жаль, конечно, что карьера у тебя не удалась, но хоть жилищные условия хорошие, и это хлеб. Спасибо, что позвонил! Звякну тебе через пару деньков.

Он действительно «звякнул» через пару деньков и, сообщив, что заказ по списку выполнен, сказал:

— Так он к тебе уже выехал. Будет через полчаса. Прими и обогрей!

— Кого... обогреть? — удивился я. — Кто выехал?!

— Да один нужный человек из одного дефицитного управления. Инкогнито с секретаршей. В творческой командировке. Поживут в твоей трехкомнатной месячишко. Общайся!

Он повесил трубку, а я еще долго слушал короткие гудки, с трудом сознавая, что действительно вновь обрел старого друга.

ПЕШЕХОД ЗА РУЛЕМ

И вот настал час, когда вы, вчерашний пешеход-ветеран со стажем, не поддающимся летосчислению, с трепетом раскрыли тугую дверцу своей автомашины и, не совсем еще отдавая отчет в свершившемся, очутились в элегантном салоне, который долго еще будет вас тревожить стойким заводским запахом.

Первую ночь вы не спите: все лихорадочно думаете о своем приобретении и даже пару раз бегаєте босиком на кухню глянуть в окно, стоят ли на месте ваши сверкающие «Жигули».

А утром сердце ваше обрывается и повисает на правом заднем крыле у содранной неизвестным автозлоумышленником драгоценной эмали. Вы, страшно поблуднев, беспорядочно бегаєте по двору и сдавленным голосом пытаетесь выяснить у дворников и прохожих номер машины-злодейки.

Увы!..

Потом вы бросаетесь в магазин, чтобы купить нитрокраску, но тут же убеждаетесь, что вашего цвета в продаже не было, нет и не будет, хотя надежда, конечно, есть. Бывалые люди успокаивают вас, объясняя, что шрам вначале надо «загрунтовать», и вы, изучив новое слово в энциклопедическом словаре, кидаетесь в магазин, прихватив авоську. Но «грунтовки» тоже нет, хотя и бывает, и вы по совету уже других бывалых людей смазываете пока что шрам всесезонным машинным маслом, чтоб не заржавел, а сами вместо обеда ежедневно прочесываете магазины. Вскоре вы замечаете, что все это положительно сказалось на вашей фигуре: сначала исчез живот, а следом за ним и двойной подбородок.

Однажды, сделав поворот на стрелку, которая, как известно, горит считанные секунды, вы замешкались на середине улицы, пропуская троллейбус, и инспектор ГАИ сердито помахал вам жезлом.

— Почему выехали на красный свет? — устало говорит он, изучая ваши документы так дотошно, словно вы их только что изготовили при помощи стеклоочистителей.

Вы что-то лепечете в свое оправдание, с ужасом осознавая, что ничего не сможете доказать, а инспектор уже вынимает дырокол.

Документы вам все же вернули и даже отдали честь, и вы едете дальше, но пульс ваш стучит с такой же частотой, как у космонавта Армстронга в момент посадки на Луну.

У перекрестка вы, будучи все еще под впечатлением встречи с инспектором, тормозите, не рассчитав скорости, но все же наезжаете на машину, которая остановилась перед вами на желтый свет. Легкий толчок, и все вроде бы обошлось, но из машины выскакивает жилистый человек с интеллигентными зальсынами. Раскрылатившись, он преграждает вам путь, хотя вы и не думаете трогать с места, и цепко удерживает вашу машину за фару, хотя она стоит на месте.

Потом нехотя, с кислым лицом подходит инспектор ГАИ, и жилистый, поигрывая желваками, заявляет, что вы сломали ему бампер. В свою очередь, вы тоже возмущаетесь, видя, что бампер цел.

— Значит, к согласию прийти не можете, — вяло констатирует инспектор. — Тогда, граждане, вынужден забрать ваши права. Следователь установит истину.

Но вам совсем не хочется, чтобы вас лишили прав, которые вы получили чудом, проваливаясь три года подряд, а слово «следователь» зажигает ваши щеки прекрасным румянцем. Посему вы спешно извлекаете из кармана двадцать пять рублей, отложенных на покупку праздничной рубашки, и предлагаете лжепотерпевшему, который выхватывает их у вас с такой готовностью, словно знал об этом еще вчера. И все успокаивается. Все едут и идут по своим делам.

Затем вы обнаруживаете, что совсем незаметно накатали две тысячи километров, и отправляетесь на станцию техобслуживания делать первое в своей жизни «ТЭО». Вы думаете, что это займет два-три часа, и отправившись на работу, но ваша очередь подходит только к вечеру. Конечно, она могла бы подойти и раньше, если бы не эти бесконечные машины, вклинивающиеся с черного хода. Вас это нервирует, но вы ничего не можете предпринять, тем более что мысли ваши наполовину заняты завтрашними неприятностями по поводу вынужденного прогула. И в этот самый момент из-за перегородки, отделяющей легкомысленных владельцев от вдумчивых работников автосервиса, к вам подходит парень по имени Эдик со скептической улыбкой и твердым взглядом. Он разминает масляными пальцами сигарету «Кент» и спрашивает, глядя сквозь вас:

— Твоя машина «56—66»?

А вы вместо того, чтобы или промолчать, или сделать вид, что забрели сюда просто случайно, как пешеход, вы радостно вскрикиваете:

— Моя!

— Где же ты так колесо покурочил? — тихо спрашивает Эдик, прикуривая от японской, с пьезокристаллом зажигалки «Броника» (стоимость «с рук» 85 рублей). — Ладно, не дрейфь, я тебе выправлю и остальное дополню, есть тут у меня фирменные детали из Австрии, моли бога, что ко мне попал.

Вы, стыдясь своей несостоятельности, робко тянете ему пятерку, а он, не глядя, сует ее в карман, после чего исчезает там, где слышатся грохот и гул, и вы вздыхаете с облегчением, хотя и понимаете, что проверить ничего не сможете.

Через пару часов заметно побавровевший Эдик выкатывает вам машину, и вы, радостный, едете домой, вспоминая, что отданные пять рублей предназначались для покупки талонов на бензин, которого в баке осталось не больше стакана. В кармане у вас всего лишь пятак — как раз, чтобы добраться домой на автобусе, но вы рискуете и даже прибавляете скорость, совсем не подозревая, что присевший за деревом лейтенант уже поймал вас на мушку своей всевидящей трубы.

Но вот вы снова за рулем, вконец истерзанный, с двумя дырками в талоне предупреждений, с пятью копейками в кармане, без бензина, со злощасным шрамом на заднем крыле.

Вы рынком трогаете с места и вдруг неожиданно для себя чувствуете, что въехали на своих «Жигулях» в какую-то доселе неведанную вам жизнь, где вечные неувязки становятся нормой, а стресс — привычным рабочим состоянием. И когда вы осознаете это, вам не то чтобы становится легче, а как-то вроде спокойнее. Вы просто понимаете наконец, ЧТО ТАКОЕ СЕСТЬ ЗА РУЛЬ...

СЕМЕЙНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

СХОЖУ-КА Я ЗАМУЖ

Галочка Кокосова, лаборантка одного из крупных предприятий, стройная блондинка двадцати лет от роду, с голубыми удивленными глазами и пунцовыми губами сердечком, сидит передо мной в редакционном кабинете и элегантно с движениями указательного пальчика стряхивает пепел с длинной золотой сигареты «Пэл-Мел».

— Чем могу быть полезной? — спрашивает она, отмахиваясь от дыма узкой ручкой с остренькими серебряными ноготками.

— Мы собираемся начать дискуссию о браке, — говорю я Галочке, — и приглашаем в редакцию бывалых людей, которые смогли бы поделиться опытом с молодыми читателями. В этой связи у нас к вам несколько вопросов.

— О, я польщена! — улыбается Галочка. — Задавайте свои вопросы, только я не знаю, с чего начать...

— Начните хотя бы с первого брака: действительно ли он был романтическим?

— А как же! Сами подумайте, едва знакомы, на море шторм, а он говорит: «Хотите, до буя доплыву, но только вы за меня замуж!» Страшно было, когда он под волну нырнул, но потом все было тип-топ. Пришлось за Вадима Петровича замуж выходить. Домой приехали, свадьбу в «Астории» сыграли, он в аспирантуре учился, ну и сидел бы со своими формулами, так эксплуатировать меня начал: то ему погладь, то ему постирай, я ему говорю: «Мой отец сам все гладит, сам стирает, пол даже сам моет — маму бережет». А он отвечает: «Руки, — говорит, — твоему отцу не подам, потому что он из тебя куклу сделал». Как он это сказал, я ему спокойненько так и ответила: «Развод!» В общем, прожили мы два месяца и разошлись, как в море корабли!

— Но второй-то брак, надеюсь, был по любви?

— Как и первый! Кто ж без любви замуж идет?

— Это вы точно подметили. Чувствуется опыт!

— Да что вы... Я тогда в лабораторию устроилась: в химико-технологический по конкурсу не прошла. А Толик в лаборатории кандидатскую добивал.

— Свадьбу в «Астории» сыграли?

— Как вы догадались? Нет, вы не подумайте: у нас все вроде хорошо было. Только потом я поняла, что горяча вышла. Хотелось Вадиму Петровичу доказать: он ведь мне заявил, что никто, мол, тебя не возьмет, такую избалованную, а вот и взяла!

— А главное, по любви! — уточнил я.

— А как же! Только этот со мной из-за пустяков ссориться стал. Ну, а я, конечно, всегда была права, а он нет. Я говорю: сейчас немодно ходить в брюках дудочками, давай достанем джинсы, потому что все ходят в джинсах, и не стригись под полубокс — это смешно, а он мне заявляет, что ему так удобней, — в общем, я поняла только одно: мы абсолютно разные. А зачем тогда нам вместе жить? Мама его ко мне приходила, она сразу согласилась: расходитесь, говорит, как можно скорее. Хорошая у него мама!

— Это верно, сразу вас поняла. Ну а с тем, что вчера развелись? С тем тоже был романтический брак?

— А как же! Я с ним на новогоднем балу познакомилась.

— Свадьба, конечно, была в «Астории»?

— Конечно! — Галочка улыбнулась. — Я человек постоянный и привычек не меняю: раз «Астория» так «Астория»! Эдик парень был хороший, да только характеры у нас оказались разные. Спать пора, а он все рассказы сочиняет, бумагами шуршит, свет не выключает, все писателем хочет стать, а каково это терпеть в одной комнате! Потом, он сигареты без конца смолит — дышать нечем!

— Но ведь и вы смолите! — попытался я возразить.

— Замечания мне делал, — продолжала Галочка, не обращая внимания на мою реплику, — в личную жизнь вмешивался...

— Но раз вы муж и жена, у вас общая личная жизнь...

— Человек вправе иметь тайны, даже если он жена!

— Когда любишь, тайн нет. От любимого человека, я имею в виду. Извините, что я так серьезно...

— А если кто-то меня в кино пригласит или в гости, я, что, должна всем докладывать? У меня старые знакомые, которые меня не забывают, а он истерику закатывал!

— Но брюки-дудочки он, надеюсь, не носил?

— Этот фирменно одевался, а что толку?

— Извините, Галя, — вдруг осенило меня, — зачем вы все время замуж выходили? Встречались бы просто так, а? Сначала хорошо узнали бы друг друга, а потом уж...

Галочка выкатила на меня свои прекрасные глазщицы.

— Я вас не понимаю...

— Объясню. Есть такое понятие: супружеский долг... Понятие, которое само собой присутствует в семье любящих супругов.

— Ах, вот вы о чем... Знаете, не надо меня учить. Я школу закончила без троек.

И было теперь в тоне Галочки столько решимости и стальной категоричности, что я отступил.

— Пожалуй, вы правы, — сказал я, — поскольку в моем аттестате была одна тройка по алгебре.

— А у меня пятерка! Вот видите!

Провожая Галочку к выходу из редакции, я вижу в вестибюле симпатичного парня в кожаной курточке, который тревожно смотрит на нас.

— Это Костя, — снисходительно говорит Галочка. — Мой друг. Первый разряд по боксу.

— А у меня третий, — говорю я, — да и то по стоклеточным пашкам.

Костя не слышит. Он смотрит на Галочку влюбленными глазами.

НОЧНОЙ ВИЗИТЕР

Так уж устроен мир, что время от времени к любому человеку приходит слава, большая или скромная — все равно, но люди вокруг начинают говорить о нем. Хорошо, конечно, если слава эта добрая, и тогда человеком восхищаются, его ставят в пример, и одно только имя его вызывает положительные эмоции, которые так необходимы в наш перенасыщенный стрессовыми ситуациями замечательный век.

Я глубоко убежден, что для славы совершенно необязательны масштабы: любое доброе дело, оставившее след в людских сердцах (да хоть даже в одном!), — это уже прекрасно, потому что смысл человеческой жизни прежде всего в том, чтобы приносить пользу и радость ближним.

Слава Виктора Белова была негромкой, но достаточно заметной в пределах его родного города, знаменитого своими уникальными памятниками русского зодчества. Виновик славы — голубой экран поведал об одном рационализаторском предложении Виктора, корреспондент посетил молодого техника дома, и телезрители узнали о том, как интересно он живет, какая у него дружная семья, какая редкая библиотека, что в свободное от работы время он ухитрился смастерить точную копию знаменитой «Антилопы-Гну», которая когда-то так метко ударила автопробегом по бездорожью.

На следующий день товарищи тепло поздравили Виктора; по заводскому радио в обеденный перерыв были прочитаны шуточные стихи, автор которых выражал надежду, что Виктор не займется и не покинет коллектив.

Так что, вернувшись на другой день домой, Виктор Белов взволнованно переживал со своей женой Верой неожиданное бремя славы, декламировал стихи заводского поэта и с удовольствием поглядывал на телевизор, с которого все и началось... Веселый и приятный разговор этот зашел за полночь, и сын давно уже спал тем особым счастливым сном, который бывает только в детстве, когда родители дружны, а дом — полная чаша...

И вдруг в передней раздался продолжительный звонок, в котором угадывалась нетерпеливость.

Супруги Беловы тревожно переглянулись, понимая, что за дверью незваный гость.

Так оно и оказалось. Когда Виктор, наспех накинув пиджак, открыл дверь, он увидел перед собой незнакомого седого человека с резкими продольными морщинами на худом лице и холеными, явно подкрашенными и не по возрасту щегольскими бакенбардами.

— В жизни он еще красивей! — воскликнул незнакомец приятным баритоном. — Ничего не скажешь: беловская порода! Порадовал, ох, порадовал! Ну, здравствуй!

— Здравствуйте... — изумленно отвечал Виктор, ничего не понимая. — А... в чем, собственно, дело?..

— А вот в чем... — Ночной визитер сложил губы трубочкой и, раскрылатившись, пошел на него. Цепко обласкав ошелощенного Виктора, он впился ему в щеку и торжественно сказал:

— Ну, здравствуй, сынок!

— Я не совсем понимаю...

— Чего ж тут понимать! Я твой отец. Ну чего же мы тут стоим — приглашай, приглашай дорогого гостя! Внушек, конечно, почивает? Набегался, пострел! Ладно, утром потаскаю его за чуб. Видел, видел его на экране — весь в деда!

Он аккуратно повесил плащ на плечики, внимательно оглядел переднюю.

— Уютно у тебя. Богато. Лак на полу. Даже не мог предполагать, что у моего Витьки будет когда-нибудь такая квартира. Две комнаты?

— Две, — хмуро ответил Виктор.

— Ну что ж — соответственно количеству семьи. При увеличении числа членов завком сразу же на очередь поставит, учитывая старость и все такое... А я вчера как увидел про тебя передачу, сразу взял билет на поезд — и к тебе. На завод сначала зашел, вахтер мне твой адресок подсказал, ты ведь теперь знаменитость! А это жена твоя? Тоже узнал. Похожа!

Отец поклонялся указательный палец и привычными кокетливыми движениями пригладил холеные бакенбарды.

— Статная, высокая, ишь, зарделась. Дай-ка, красавица, а тебе ручку поцелую.

Чмокнув Веру в локоток, он лихо выхватил из сумки бутылку водки.

— Что-то стало холодать, дети мои! — Уселся за стол, потирая руки, и выжидающе уставился на супругов. — Вы не беспокоитесь — закуски особой не надо: время позднее. Так, селедочка, если есть, хлебушек с маслом, водички холодной. А после первой рюмашки и поговорим по душам!

— О чем? — отчужденно спросил Виктор, продолжая стоять не шелохнувшись.

— О житье-бытье. Ты о себе расскажешь, я, в свою очередь, о себе, есть, есть, что рассказать, Витек, вот разговор и склеится! Отец помолчал, ожидая ответа, но не дождался и погрозил Виктору пальцем.

— Те-те-те-те-те! Я за столом — он у дверей. Не пойдет так дело, не пойдет. Я ж к тебе, сынок, насовсем приехал! Как по телевизору тебя показали, так и приехал!

— А раньше, когда не показывали, вам, как всегда, некогда было?

— Зачем же ты так сразу, Витенька? Я же адреса твоего не знал. Ты же в новый микрорайон переехал!

— А старый адрес, мамин, вы его тоже не знали?

— Так ведь то давно, давно, Витек, было. Былшем поросло! А потом, кто старое помянет, сынок...

— А мы тогда, давно, очень вас ждали, Василий Петрович. Каждый день ждали, на каждый стук дверь торопились открыть: вдруг да вы вернулись? Такая была бы радость!..

— Понимаю, понимаю... Тяжело. Были причины, не мог, — сказал отец, и в голосе его зазвонил холодок. — Да, я не помогал вам. Но не потому, что не хотел. Я жизнь свою никак не мог устроить. К твоему сведению, Виктор, я так ее и не устроил, не повезло мне, понимаешь, с женами, разве можно их было сравнить с нашей мамой, но это я сейчас понимаю, в зрелости лет, а тогда — молодость, горячность, все такое... А все через чего — через мою, Витенька, доверчивость! Вили они из меня веревки!

Он снова выждал паузу, ожидая реакции, но сын молчал, продолжая стоять у открытой двери.

— Отсуеился я. Все! — вздохнул отец и прищурил один глаз, что свидетельствовало о крайнем раздражении. — Я пришел к тебе с миром; твое, конечно, дело, прощать меня или проклинать. Думаю, что ты погорячился, пообдумаешь все, поуспокоишься, вот все и образуется, тем более что сейчас на всем белом свете нет никого роднее нас с тобой — это, так сказать, медицинский факт. Но ты еще, Витенька, обязан по закону, представь себе — по за-ко-ну, помогать родному отцу. Но это я так, к слову...

— Сколько я помню маму, она всегда плакала, — сказал Виктор. — Она очень унижалась, разыскивая вас, Василий Петрович, через суд, но у нее не было другого выхода: мы очень тогда бедствовали. А вы даже не спросите про нее...

— Вахтер мне рассказал... Да я и из передачи догадался. Когда это случилось, Витенька?

— Вас это не касается.

Василий Петрович вытащил из кармана складной ножичек, осторожно откупорил бутылку. Широко улыбнулся, сверкнув белоснежными вставными зубами, хлопнул в ладони, рассыпал хлопья на цыганский манер по груди и коленям.

— Что ж вы, че-ерти, приуны-ыли! — пропел он хорошо поставленным голосом, который всегда помогал ему налаживать контакты. — Есть у тебя музыка? Заводи радиолу, хочешь, спляшу, спою, Есенина почитаю, а? У меня ж грамот за пение — чемодан! В консерваторию звали! Все молчишь... Ладно, сынок, что было, то было и былшем поросло, а родная кровь все грехи спишет!

— Вот что гражданин, — тихо, но решительно сказал Виктор, — я не привык, чтобы незнакомые люди врываются посреди ночи в мой дом и распивали водку за моим столом!

— Сынок, что ты мелешь?!

— Я вам не сынок, вы мне не отец. Вы сказали, что пришли с миром, теперь уходите с миром или я буду вынужден применить силу. Честно скажу, мне бы не хотелось этого.

— Битя! — взмолилась Вера. — Куда же он пойдет на ночь глядя? Пусть хотя бы переночует! Отец все же...

— Нет, нет, сноха, не утруждайтесь просьбами, — засуетился вдруг Василий Петрович, и бакенбарды его взъерошились. — Я все понял. Я пойду в гостиницу. Но утром, учти, сынок, в народный суд. Я буду требовать то, на что имею право!

— У вас нет этого права! Уходите!

Василий Петрович торопливо схватил плащ, перекинул его через руку вместе с вешалкой, потом аккуратно взял со стола бутылку, осторожно, чтоб не расплескать, сунул в сумку, повесил сумку через плечо и, не оглядываясь, шагнул за порог.

ПАРОДИИ

Замечено, что последнее время детективный жанр все увереннее пробирается на страницы периодики, и я подумал: недалек тот день, когда выстрелы и погони проникнут и на страницы ведомственной литературы. Совсем нетрудно представить, как это будет выглядеть...

Журнал «Проблемы оборачиваемости автомобильного оборудования».

ГРАНАТА ПОД СИДЕНЬЕМ (Записки инспектора полиции)

Машина инспектора О'Кнелли вихрем неслась по сложному семиэтажному виадуксу, переходящему в комфортабельный двенадцатиэтажный гараж с примыкающими станциями автосервиса и мойками. «Кэрол Флемминг энд Дик Халтурэйдт» — сверкали неоновые буквы по бокам виадукса. Инспектор прибавил газу и зловеще усмехнулся: «Надо же, ее тоже зовут Кэрол, эту могучую блондинку с татуированным мизинцем и легковой моделью «Сенатор» с независимой пружинной подвеской всех колес, дисковыми тормозами с усилителем и системой впрыска топлива с электронным управлением... Кто бы мог подумать, что тогда, на перекрестке, делая левый поворот на стрелку, она выстрелит в «ФИАТ-ритмо», оснащенный за дополнительную плату широким ассортиментом оборудования: атермальными стеклами, подголовниками сидений, самонатягивающимися ремнями безопасности, кондиционером, автоматической трансмиссией, шинами увеличенного сечения, — она выстрелит и попадет водителю прямо в переносицу...»

Внезапная догадка ужалила инспектора, и на какое-то время он потерял управление. Тем временем его «Плимут-горизонт» с прекрасными грязеотражателями из полипропилена и многоконтактной розеткой для подключения на станции обслуживания новейшей диагностической системы «Крайслер ЕЕРА», вылетел на крышу двенадцатиэтажного гаража и, прорвав перила, начал

стремительно падать на проезжую часть с односторонним шестирядным движением.

Поставив рычаг переключения скоростей в нейтральное положение, инспектор О'Кнелли выхватил из бокового кармана гранату и сунул под бронированное сиденье. Когда до асфальта оставалось около метра, чудовищный взрыв потряс все вокруг и уравнивал силу тяготения.

Отряхнув брюки, инспектор бросился к ближайшей машине. — Стойте, сэр! — крикнул он. — Я из криминальной полиции! Подвезите меня до...

О'Кнелли взглянул на шофера, и лоб его покрылся ледяной коркой: перед ним сидела Блондинка.

В следующую секунду прогремел выстрел, над которым еще долго будут ломать головы местные детективы, ибо стрелявшая метилась инспектору в лоб, а угодила в затылок. Только один О'Кнелли мог рассказать, в чем тут дело. Увы, ему суждено было поделиться об этом только с праотцами, которые, между прочим, и понятия не имели, что распределительный вал дизеля приводит зубчатым ремнем...

(Продолжение следует)

Журнал «Вопросы стирания графев между работающими и отдыхающими».

ПО КИРПИЧУ (Многоплановый детектив)

Глава 1

Каждое утро полицейский Уабль, пожилой, страдающий ожирением человек, делал пробежки в лечебных целях в районе своего поста. И всегда ему попадался сухонький старичок в желтой ковбойке. Кряхтя и отдуваясь, старичок нес под мышками кирпичи...

Глава 2

Так продолжалось полгода...

Глава 3

— Приятель,— сказал однажды полицейский Уабль старику,— зачем тебе так много кирпичей? Ты тоже стоняешь, вес?

— У меня ревматизм,— проскрипел старик.— И чтобы поправить здоровье, я кладу кирпичи в камин, а потом привязываю их к ступням. Народный способ.

Глава 4

«Для этого достаточно одной пары,— задумался полицейский Уабль,— а ты уже перетаскал их не менее четырехсот».

— Так у меня же, как у всякого порядочного человека, есть еще и родственники, которые тоже страдают ревматизмом. Погрев ноги, я пересылаю кирпичи в Чикаго, а оттуда их шлют в Вашингтон, а из Вашингтона...

Глава 5

«Странно,— думал полицейский Уабль, продолжая пробежку,— а я и не знал, что в нашей высокоразвитой стране так туго с кирпичами...»

Глава 6

Через пару дней старик в желтой ковбойке исчез, а полицейского Уабля срочно вызвали в префектуру.

Глава 7

— Послушай, старина,— сказал ему взволнованный префект,— кто бы мог так ловко разобрать кирпичную стену нашего курортного ювелирного магазина?

Журнал «Популярная паразитология»

ВЫСТРЕЛЫ В СПАЛЬНЕ

(Мелодрама в двух частях)

1. Главари не верят бумажкам

Молодчика Сэма привели к Главарию ровно в полночь. Главарию лежал в кровати и читал вечерние газеты.

— А, это ты, Роб,— сказал он сопровождавшему Сэма флегматичному человеку во фраке.— Ну-ка, покажи, на что способен твой кретин.

— Его рекомендовал Флинт из Ассоциации Одиноких Гангстеров,— не очень почтительно пробормотал флегматичный Роб,— есть официальные рекомендации на бланке.

— Главари не верят бумажкам,— сказал Главари.— Главари сами должны все проверять. Лови!

В воздухе сверкнул никелированный пистолет. Молодчик Сэм едва успел поймать его за спусковой крючок.

— А теперь погаси свет,— приказал Главари Робу.

2. А что мог еще поделывать молодчик Сэм?

Флегматичный Роб, не глядя, выстрелил из кармана в люстру, и все погрузилось во мрак.

— Я открываю коробочку,— сказал Главари,— в которой сидят пять блох. Через две секунды блохи рассеются по комнате. В пистолете пять пуль. Когда зажгут свет, все блохи должны лежать брюхом кверху. Тебе ясно, молодчик Сэм?

— Ясно, сэр,— бесстрастно отвечал молодчик Сэм.

— Открываю,— сказал Главари,— раз, два, три,четы...

Пять выстрелов слились в один. Когда флегматичный Роб зажег аварийный свет, все увидели, что пять блох были мертвы.

— Сэр,— обратился молодчик Сэм к Главарию,— надеюсь, теперь вы примете меня в свою Ассоциацию Женатых Гангстеров?

Главари молчал. А что он мог еще делать, если пятая пуля молодчика Сэма настигла последнюю блоху у него на лбу...

«ТАЛАНТ В ОПАСНОСТИ»

ИЛИ О КУЛАКЕ, КОТОРЫЙ САМ ПО СЕБЕ, ОБ ИСТИННО
МУЖСКОЙ КРАСОТЕ И ТРОГАТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ,
НЕ ЗНАЮЩЕЙ ПРЕГРАД

Итак, страсти постепенно утихают. Герой фельетона «Скоро-портящийся талант» — певец мюзик-холла Андрей Архаров, учинивший хулиганство, приговорен к лишению свободы и отбывает наказание.

Суд учел его чистосердечное раскаяние и признание своей вины. С него взыскана круглая сумма, которую затратило государство на лечение потерпевшего. Наказан и соучастник — бармен П. Каргузия. Вынесено частное определение, в котором указано, что руководство и общественные организации мюзик-холла и раньше получали сведения о неблагоприятных поступках Архарова в общественных местах, однако сигналы эти исчезали в пучине благодушия.

И я наверняка бы не вернулся к этой достаточно неприглядной истории, если бы не читательские письма, которые шелестящим градом обрушились на редакцию. Авторы, в основном молодые люди, осудили поведение Архарова и поделились своими мыслями о том, что успех у зрителей не может быть щитом против карающей статьи закона, что, по-видимому, — и это соответствует правде — воспитательная работа в мюзик-холле давно свелась к нулю, что, выступая на концертах, «звезда эстрады» вел подчас себя развязно, но это никакой реакции ни у кого не вызывало, и печальный последний случай — следствие захваливания, всепрощения, результат порочного мнения, что, дескать, талант и слава снимают все грехи.

Однако наряду с объективными и заинтересованными письмами редакция получила довольно много гневных посланий, которые до такой степени шли вразрез с фактами, что поначалу могли только удивить. Но потом, когда я вчитался в прыгающие от раздражения строчки, то как-то неожиданно для себя подумал: а была ли уж такая необходимость выступать по этому вопросу?

Может быть, и вправду популярный певец и всеобщий любимец, кумир, обладатель импозантной внешности вообще не должен отвечать по закону? Разве не волен кумир поступать так, как он считает нужным, а все окружающие должны быть просто благодарны ему за то, что он прошел рядом, пусть даже наступив кому-то на ногу. И почему бы потерпевшему вместо того, чтобы терять сознание, не вытащить блокнот и не попросить у кумира автограф? Наверняка тогда и уголовного дела бы никакого не было, а уж фельетона и подавно!

А автор? Уж не двигала ли его пером черная зависть к чужой славе и красоте? От такой догадки мне стало даже жутко. Тетя! А не промахнулся ли «Крокодил», прибегнув к помощи завистливого корреспондента?!

Письмо Ольги Р. из Перми только усилило мое подозрение: «С возмущением прочла фельетон. Дебошир Андрей Архаров? Не может быть! Архаров — любимец публики. Это, извините, клевета! Такая внешность, такая фигура! Надеюсь, со мной согласны очень многие!»

Юлианна Н. из Крымской области философски развила эту прямолинейную мысль: «То, что вы о нем пишете, это все смешно, это все ложь! У него гениальный, самый артистичный, наивысший талант. С него бы портреты писать! У Андрея Архарова такая жизнь играющая! Все, что он ни делает в жизни, он все играет! Просто для него жизнь была ничто без игры. Его надо просто понять, а не писать про него фельетон!»

А подружки-десятиклассницы из Ленинграда прислали письмо, которое заставило нас иными глазами взглянуть на нашего специального корреспондента.

«Как мог он написать эту глупую, полную черной зависти статью! Ну а насчет драки нужно сказать, что в мужчинах всегда ценились смелость и умение постоять за себя. Пластинки Архарова мы купим за тройную цену!»

«Это действительно здорово — уметь постоять за себя, — подумал я. — Будучи настоящим мужчиной, позвать здоровенных дружков, навалиться на администратора, нанести ему тяжелые удары в пах и голову. Ай, молодец, ай, рыцарь!»

Ах, эти слава и обожание! Как хороши они, как приятны! Что как не истинная любовь к прекрасному, что как не забота о будущем великого человека, побудили нескольких энтузиастов раскле-

ить на столбах такие вот торопливо отпечатанные на машинке афишки: «ТАЛАНТ В ОПАСНОСТИ! ВСЕ ВЫ ХОРОШО ЗНАЕТЕ АНДРЮШУ АРХАРОВА КАК МОЛОДОГО ТАЛАНТЛИВОГО ПЕВЦА. МЫ ТРЕБУЕМ СМЯГЧИТЬ ЕГО УЧАСТЬ!»

Талант был действительно в опасности. В процессе следствия замечательный певец, который не так давно был лишен водительских прав за езду в пьяном виде, вновь уселся в том же пьяном виде за руль автомобиля, который любезно предоставил ему один из поклонников, и помчался, рискуя врезаться в прохожих.

Еще одно письмо заставило нас усомниться в пользе выступления. Мы узнали об Ольге В. из Вологодской области, отправившей, как следовало из текста, свое письмо в 00 часов 45 минут. В отличие от других авторов Ольга смотрела на случившееся сквозь призму равенства внешних данных. «Сама я не обделена красотой, но я ничем не могу помочь ему, хотя как красавица красавца отлично его понимаю. Нужно помочь ему, пока не поздно! Я буду ждать тебя, Андрюша!»

«Какая безоглядная вера, какая здоровая сентиментальность и доброта, какое чудовищное взаимопонимание!» — подумал я.

А в письме Розы Ф. из Челябинска была еще и попытка к самопожертвованию: «Андрюша, я ничему не верю, так как знаю, что человек с таким голосом и внешностью может совершать только хорошее. Если тебя вдруг лишат свободы, хочешь, я пойду ради тебя на скамью подсудимых, на самые страшные испытания, я отсижу весь срок, а ты пой и радуйся и радуй людей своим талантом и красотой. Если хочешь, два слова о себе: люблю твои песни, кожу в джинсовом костюме и обожаю танцы».

(Честно сказать, я так растрогался, что шмыгнул носом.)

Читатель Б. из Уфы упрекает редакцию в корысти и гиперболизации: «Ваш фельетон — попытка очернить певца в чьих-то корыстных целях. Кому-то в редакции он сильно мешал. Да, была драка, обычная, не отрицаю. У кого не бывает ее в молодом возрасте! Лично я вот вчера в подъезде иду, двое на гитаре бацают, тишину нарушают, песни вопят, проход загородили, я одному врезал, он мне, я ему. Думаете обо мне фельетон написали? Три ха-ха! Никто из соседей даже не заметил. А Архарова — на всю страну, что возмутительно. Цел бы себе красавец певец, голос-то его сам по себе, а кулак — это же его личное дело!»

Я немедленно опросил сотрудников редакции: употребляет ли кто сырые яйца и не занимается ли тайно в консерватории. К счастью, таких не оказалось, и, стало быть, подозрение в корысти отпало. Что же касается кулака как «личного дела», то этот вопрос меня даже как-то поставил в тупик.

Может, это и не совсем кстати, но вспомнилась одна из скороспелых хвалебных статей об Архарове, вырезанная и присланная

в редакцию одним из читателей. Это было, пожалуй, что-то из области метафизики, но, право же, автор, сам того не подозревая, расхвалил певца, где-то предугадал то, что должно было случиться несколько позднее. Это проглядывалось не столько в заголовке — «После аллодисментов», — сколько в концовке: «От его прощального рукопожатия, как и от слов, осталось ощущение твердости. Не придуманной — приобретенной. Может быть, это и есть уверенность в себе. Качество, которое так очевидно в певце и которое он стремится укрепить в тех, для кого поет».

Все действительно так и оказалось — и твердость руки и уверенность в себе — качество, которое было таким очевидным в нем и которое он укрепил в вышеперечисленных поклонниках.

Что же касается фельетона, то признание Нади В. из Находки окончательно убедило нас в том, что воздействие его оказалось равным нулю. «Пусть он бил! — дрожащей от высоких чувств рукой вывела Надя. — Пусть бы он разнес в клочья весь мюзик-холл, все равно я его люблю. Я преклоняюсь перед его кротостью и ангельской красотой, и ничто, слышишь, дорогой Крокодил, ничто не остановит меня в этом чувстве, никакой другой фельетон! Эх, редакция, редакция, ну зачем вы так очернили гения?!»

Я не успел мысленно возразить Наде, как в руки попало письмо поклонника из Нальчика, не пожелавшего назвать свое имя. В письме содержался ответ прямо в адрес Нади, однако совершенно неожиданного содержания: «Нет, конечно, сама редакция здесь ни при чем. Я понимаю, что один знаменитый дирижер (сами догадайтесь кто) давно ненавидит Архарова и на некоторых концертах с его участием намеренно убыстряет темп, стараясь сбить певца и опозорить его перед телезрителями. И еще есть один артист-певец, тоже ослепительно красивый и молодой, который поставил себе цель выжить Архарова с эстрады и тем самым возвеличить собственное «я», слегка пошатнувшееся из-за отсутствия сильных голосовых данных. Так что оба они, дирижер и артист-певец, приложив максимум чудовищной изобретательности и войдя в преступный сговор, ударили по Архарову фельетоном».

Если верить неизвестному из Нальчика, то дело было совсем плохо: налицо коррупция, почти мафия — знаменитый дирижер, знаменитый артист-певец и... «Крокодил». «Чур меня! — пробормотал я и, глядя на объемистую пачку свежей почты, подумал о том, что совсем недавно тоже принадлежал к армии поклонников Андрея Архарова...

Конечно же, талант надо любить, беречь и лелеять, но когда это делается в самом худшем смысле бездумно и безоглядно, тогда талант действительно в опасности, ибо мещанское идолопоклонство никогда не приносило пользы ни талантам, ни поклонникам.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

ПЕСЕЦ, КОТОРЫЙ ЕДВА НЕ РАССТРОИЛ СВАДЬБУ

Август на Командорах был в шквальных ветрах, то и дело нападающих злых мелких дождей. Кепку приходилось натягивать на манер ушедших в прошлое беспризорных — по самые уши, а под пиджак надевать толстый свитер. Море огорчало рыбаков злым накатом, когда невозможно спокойно пришвартоваться и посадить шлюпку. Быстрые ватные облака деловитыми бесконечными полчищами обтекали скалы, спеша куда-то, и стоило оторвать взгляд от земли, как серые шапки гор немедленно трогались с места и плавно устремлялись в океан.

Мы сидели у самых скал, неподалеку от бухты, и ожидали погоды. На минуту прорвалось солнце, скалы вспыхнули фантастично изумрудным цветом, пахло теплом, геолог Миша скинул пиджак, положил его на замшелую глыбу и продолжал свой неторопливый рассказ о старой лоцманской карте, на которой не были помечены рифы, едва не сыгравшие с ним страшную шутку...

Подожел, посасывая коротенькую трубку, бородастый рыбак, прибывший с материка, и передал Мише письмо от невесты, которое Миша заботливо спрятал в боковой карман, набросил, было, пиджак на плечи, но раздумал и опять положил на глыбу. (Забегая вперед, скажу, что он потом долго будет вспоминать этот незначительный момент, ахая и разводя руками...)

Итак, положив пиджак на глыбу, Миша небрежно поправил рукав, отошел и с жаром продолжил свой рассказ. А я вскоре заметил, что к рассказу прислушиваемся не только мы. То здесь, то там из-под камней высовывались любопытные мордочки песцов, по-летнему облезлых, грязновато-серых и поджарых.

— Тут их тьма! — пояснил Миша, который, пробыв на островах месяц, считал себя аборигеном. — Зимой они красавцы, а сейчас — побирушки.

Солнце исчезло, налетел дождичек, и Миша потянулся за пиджаком. Однако камень был пуст. Миша недоуменно огляделся.

— Ребята, тут был мой пиджачок...

Лицо его вдруг покраснело, глаза выкатились...

— Держи-и-и!! — заорал он, кидаясь к скале.

А мы все покатились со смеху, хотя, честно говоря, ситуация сложилась скорее трагическая. Низкорослый песец, держа в зубах Мишин пиджак и отчаянно работая лапами, взбирался на скалу по тоненькой тропинке все выше и выше...

— И когда он успел?! — восхищенно сказал кто-то из ребят. — Кинокамеру бы сейчас!

— Вот ворюга! — жалобно стонал Миша. — Зачем тебе пиджак?!

Потерпевший подбежал к скале, а следом за ним и мы. Но скала была настолько крута, что все остановились. А песец скрылся за выступом и вскоре показался на высоченной площадке, метрах в семидесяти от нас, недосягаемый и поэтому уже нетопливый.

Несколько секунд он смотрел на нас, не выпуская пиджака из зубов, потом небрежно бросил поклажу и уселся рядом.

— Отдай пиджак!! — умолял Миша, стуча по скале кулаком. — Отдай немедленно, слышишь, хулиган! Что ты купишь на мои деньги?! А паспорт тебе зачем?

— А письмом тем более, — пробормотал рыбак с трубкой, и Миша, вспомнив, что было еще и письмо, схватился за голову.

— В норе у одного песца, — вспомнил кто-то, — нашли золотые часы и пять серебряных ложек...

Слова эти доконали Мишу, он замолк и стал наблюдать. Песец же тем временем перевернул мордой пиджак, покопался в карманах, ловко вытащил бумажник и, придерживая лапой, стал его потрошить. Мелькнуло и упало на камни заветное письмо, рассыпались деньги. Не найдя ничего подходящего, песец совершил еще одно надругательство над пиджаком, которое едва не повергло впечатлительного Мишу в обморок.

Позже, в теплой избе, мы составили протокол, которому, наверное, суждено быть единственному в своем роде. «Мы, нижеподписавшиеся, сего числа удостоверяем, что неизвестным песцом украден бумажник у гражданина К. вместе с пиджаком и унесен в недоступное место, причем в бумажнике находилось: 127 руб. 40 коп. денег, паспорт на имя гражданина К. и нераспечатанное, только что доставленное почтой письмо от невесты К. — гражданки С.»

Миша убедительно просил напечатать три экземпляра протокола: один в бухгалтерию для возмещения украденных денег, второй в милицию для получения паспорта, третий — для невесты...

— Я же не знаю, что она мне написала! — жалобно говорил Миша. — Я ее просил день свадьбы назначить! А вдруг она на-

значила, а я буду здесь! Лопнула свадьба! Да что свадьба — жизнь под откос пошла! Вот ведь проклятый песец!

Позже мы узнали, что третий экземпляр протокола возымел свое действие, хотя и не сразу... Свадьба состоялась.

ДОЛГАЯ ПОЛНОЧЬ

Задумывались ли вы когда-нибудь, дорогие товарищи, как несправедливо коротка встреча с Новым годом? Какие-то секунды, всего-то один удар часов, долгожданный двенадцатый удар! Все чокаются, все кричат «ура!», кто-то успевает кого-то поцеловать, пожелать что-то приятное...

И все.

Добежал до нас Новый год, но не успели мы его как следует разглядеть, как уже затихают вдалеке звуки его шагов. Миг — и их уже не слышно.

А вот мой приятель Иван Кузьмич зашел ко мне в канун Нового года и рассказал небывалый, просто фантастический, можно сказать, случай, когда год назад он лично общался с Новым годом несколько долгих часов.

Так уж как-то у него случилось, что незадолго до Нового года он оказался в самолете, которому предстояло совершить очередной длительный перелет с Крайнего Севера до нашей столицы.

Учитывая, что Новый год был на носу, Иван Кузьмич прихватил с собой бутылку шампанского, и, когда командир корабля торжественно объявил, что Новый год настиг самолет, предусмотрительный пассажир открыл бутылку и наполнил бокалы.

— С Новым годом! — сказал Иван Кузьмич, чокаясь с соседями. — С новым счастьем!

Соседи, разумеется, отвечали ему тем же, и всем было необычайно весело, потому что встреча происходила на недостижимой высоте.

Когда вино было выпито, командир корабля сделал новое объявление:

— Граждане пассажиры, дорогие товарищи, — весело сказал он, — не спешите выпивать свое шампанское. Наш самолет увеличил скорость, догнал Новый год, и теперь мы идем у него на плечах. Так что часы ваши, какое бы время они ни показывали, должны теперь показывать двенадцать ноль-ноль. Советую всем поставить стрелки на этой цифре, остановить часы и продолжить тосты. Время, граждане пассажиры, дорогие товарищи, остановилось. Поэтому в эти минуты все мы бессмертны!

— Урррааа!!! — закричали пассажиры, которые до этого объявления считали себя смертными. Надо сказать, что все они, как

минимум, имели среднее техническое образование и тонули, в чем дело. Правда, насчет бессмертия им как-то раньше в голову не приходило, но это было тем более прекрасно.

Иван Кузьмич пожелал соседу долгой счастливой жизни и творческих радостей. Тост этот немедленно вернулся к нему бумерангом, так как все, кто находился в салоне, имели на это право. Потом Иван Кузьмич, с сожалением поглядев на пустую бутылку, повторил свой тост соседу, а сосед ему.

Вскоре все тосты были сказаны, а вино, если оно и оставалось у кого-то, было выпито. Но Новый год по-прежнему заглядывал во все иллюминаторы.

— Что будем делать? — печально спросил Иван Кузьмич.

— Будем спать, — ответил сосед и резонно добавил: — Потому что за окном ночь.

— Чепуха! — так же резонно возразил ему Иван Кузьмич. — Сколько бы ночь ни стояла, она теперь всегда будет полночью. А полночь — время детское. Спать нельзя!

Однако усталость и ровный рокот моторов взяли свое, и вскоре пассажиры уснули, хотя, как известно, никто еще не засыпал, когда часы под Новый год бьют двенадцатый раз.

Один только Иван Кузьмич героически боролся со сном. Он смотрел на прикорнувших пассажиров и думал о том, что, наверное, хорошо, что Новый год приходит и уходит с двенадцатым ударом. Так уж повелось, и не надо ничего переделывать. Потому что мимолетный визит Нового года защищает и его самого и всех нас от опасной будничности в эту неповторимо прекрасную новогоднюю ночь, когда каждый раз начинаешь жить по-новому.

— С Новым годом! — словно подтверждая его мысли, произнес командир корабля, который по долгу службы не мог ни поднять бокал, ни уснуть.

— С новым счастьем! — отвечал ему Иван Кузьмич, который страдал бессонницей и не мог спать в самолетах.

КАК СОРВАЛАСЬ РЕВИЗИЯ

То воскресенье запомнилось всем надолго. С утра командированный в лесничество бухгалтер Марамызов, осматривая местность, подошел к колодезю, нагнулся к ведру водички испить, а после, вытирая губы платочком, ощутил вдруг в боковом кармане зловещую пустоту. Торопливо залез в карман и страшно побледнел: командировочного удостоверения и пятидесяти рублей как не бывало. Судорожно заглянул в колодезь и где-то далеко, как показалось, у центра земли увидел кусочек отраженного неба и черную точку — свою голову.

Страшно закричал командированный, замахал руками и схватился за голову. Народу на тот крик набежало отовсюду, и, узнав, в чем дело, стали охатить и ахать. Кто-то позвонил в район и, объяснив ситуацию, уговорил приехать пожарных. Раз человек в беде, надо помогать, тем более ответственный человек, приехавший ревизовать, мало ли что он нареvizует, ежели у него голова другим будет занята.

Примчались пожарные, трубу резиновую в колодезь закинули, включили машину, полилась студеной струей. Все обступили машину, ждуть, когда из струи выпадут удостоверение и деньги. Кто-то из бывалых людей шепотом совет командированному дает, дескать, отблагодари парней, они же свое свободное время тратят, отвали им половину пропавших денег. Бухгалтер торопливо машет рукой, дескать, о чем разговор, нашлось бы удостоверение!

Четыре часа гудела пожарная машина, и уставшие пожарные снова встали в ряд и вперед. И все лесничество, позабыв про воскресный отдых, наблюдало за их работой, утешая бухгалтера.

Через четыре часа последняя капля упала на трубы. Колодезь, казавшийся бездонным, был пуст. Тотчас же соорудили люльку, и смелый доброволец из лесников-ветеранов спустился на дно с фонарем. А когда его вытащили, он только руками развел — нет там ничего, только голыши. И тут бухгалтер сорвался и закричал, что доброволец утаил его деньги. Все зашумели, стали возмущаться, кто-то из родственников ветерана замахнулся даже на бухгалтера... Оскорбленный доброволец вывернул карманы, из которых выпали старая авторучка и засохший бутерброд.

Пожарные свернули свое имущество и укатили, народ стал медленно расходиться. А бухгалтер со словами: «Нет, я это дело так не оставлю!» — полез в карман брюк, вытащил записную книжку, чтобы внести туда фамилию добровольца для дальнейшего разбирательства в милиции, раскрыл книжку и увидел в ней свое командировочное удостоверение и пятьдесят рублей.

Все замолчали, а командированный бухгалтер зашелся краской, повернулся и быстрыми шагами пошел к конторе. Говорят, что ночью он вышел к шоссе с чемоданом и укатил восвояси.

Ревизия не состоялась.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК С ПОРТФЕЛЕМ

На рынке появился немолодой, печального вида человек с большим портфелем. Грустными глазами окинул он обильные дары природы, лежавшие на прилавках, и медленно побрел меж рядов.

Он шел и гляделся в лица торгующих граждан. Вскоре можно было заметить, что особое внимание вызывали у него жен-

щины в возрасте около семидесяти... Возле стайки таких вот женщин, сидящих перед горами отборных яблок, он и остановился.

— Жена преставилась, — тихо сказал незнакомец, пронзительно глядя на насторожившихся колхозниц. — Девятый день уже пошел... Поминки надо справлять...

Оторвавшись от своих яблок, женщины с сочувствием внимали слабому голосу вдовца.

— А одному-одинешеньку, дорогие бабоньки, ах как трудно... Помогите, женщины, горю!

Колхозницы инстинктивно стали загораживать от незнакомца свою вырубку; а тот, заметив их жесты, горько улыбнулся:

— Не затем я подошел к вам, милые мои, и не супостат я вовсе, а только хотел пригласить вас всех на поминки, как ровесник моей покойной Аннушки. Думал я, компанию мне составите, а заодно и покажете, как поминки надо справлять, ибо Аннушка моя перед смертью просила меня соблюсти все крестьянские обычаи, а память своей супружницы я свято, бабоньки, чту...

Он смахнул слезу, а женщины возбужденно загалдели:

— Несчастнейший... Горе-то какое!..

— Ах, как убивается, сердешный!.. Кто бы по нас так убиваться стал!

— Спасибо, бабоньки... — выдавил незнакомец. — В ресторан приглашаю всех... А по домам на своей машине развезу.

Через несколько часов, когда весь товар был продан, женщины подошли к вдовцу, который терпеливо ожидал, сидя на скрипучем ящике, и уважительно сказали:

— Если вы не передумали, то мы всем миром готовы вам помочь.

— Тогда пошли, — кивнул вдовец, — для вашего сведения: зовут меня Эрнест Опанасович. Рад, что вы не бросили в беде одинокого...

В ресторане, как и положено, было шумно и весело. С эстрады неслась модная песня про лебедя, который не оставил в беде свою подругу и сам погиб. Невольно напрашивались ассоциации, и Эрнест Опанасович поспешил заказать батарею водки, причем, как видно, по рассеянности, тотчас же убрал пару бутылок в портфель, а на стол выставил пустую посуду.

— Каждой госте — по восемь самых дорогих блюд, чаевые прямо пропорционально усердию, — приказал он официанту.

— Горемычный!.. — прошептала сердобольная и самая опытная в ритуальных делах Агриппина Ивановна и, опрокинув рюмку, запела на высоких нотах песню из поминального репертуара.

— Вот-вот! — оживился Эрнест Опанасович и судорожно всхлипнул. Потом вновь по рассеянности сунул в портфель несколько бутылок водки, а на стол поставил батарею пустых че-

кушек. Хотели было женщины, которые были уже навеселе, пошутить над ним, да не посмели, учитывая трагичность момента.

Потом, после восьмого блюда, окончательно захмелевшая компания запела нестройными голосами что-то совсем из другого репертуара, но Эрнест Опанасович даже не обиделся, а решил уважить общество шикарным десертом из ананасов, жаренных на французском коньяке, и опять же по рассеянности, захватив портфель, пошел искать официанта.

Где-то он разминутся с ним, потому что официант вскоре подошел сам и потребовал оплатить счет.

Официант объяснялся очень долго, так как компания ничего не могла понять, и только вмешательство милиционера заставило всех с неохотой оторваться от драгоценного стола.

Счет был так велик, что на погашение его не хватило выручки от продажи яблок и пришлось потом взыскивать деньги через сельсовет...

И хотя следы печального человека с портфелем затерялись навсегда меж ресторанных столиков, поминки эти запомнятся всем надолго...

ГДЕ ТЕРЯЮТСЯ ЧАРЛЬСТОНЫ?

Когда оркестр взорвался чарльстоном, Ганс проворно вскочил из-за столика, подбежал к озорно улыбающейся Гретхен и галантно упал на одно колено. Напор его юношеского обаяния был так велик, что, невзирая на строгий взгляд супруга, Гретхен вспорхнула со стула, как весенняя бабочка с цветка, и в следующую секунду они уже неслись по залу, выделявая ногами немислимые па, но сохраняя при этом подчеркнуто невозмутимую осанку, и если бы какой-нибудь шутник поставил им на плечи по кружке с пивом, то ни один кусочек ватной пены не упал бы на костюмы, кстати, так ладно подчеркивавшие их фигуры.

Словом, это был чарльстон по всем тем строгим правилам, которыми, помните, учила строгая бабушка свою легкомысленную внучку, заведя по ее просьбе «свой старый граммофон».

Мнение было единодушным: Ганс и Гретхен — «король и королева чарльстона, и это было нетрудно предвидеть ну хотя бы потому, что новоявленная «королевская чета» была удивительно молода — Гансу едва перевалило за семьдесят шесть, а Гретхен за семьдесят.

Но когда оркестр заиграл славное, старых еще времен танго «Брызги шампанского», из-за столика поднялась Матильда и первая, поскольку танго объявили «голубым», подошла к Курту, супруга которого, учитывая ситуацию, ничуть не возражала или по крайней мере делала вид, что не возражает, и зал стал свидетелем нового прекрасного танца.

Здесь уже чувствовался некоторый опыт танцоров: как-никак Матильде было восемьдесят семь, а Курту девяносто два.

Тра-та-та! Прямой, как струна, Курт, вытянув руку, кружит даму, четко, по-тореадорьи, чеканя шаг. «Тра-та-та-та-та!» — обворожительно улыбается Матильда, подчиняясь мягким, но настойчивым приказам ведущего.

Вы улыбаетесь... А вот вы даже смеетесь! Думаете, шутка? Думаете, я вас разыгрываю? А вот и нет. Все это было наяву совсем недавно в крупнейшем берлинском рабочем Доме культуры «Пратер», где по инициативе симпатичнейшего Доната Вактеля, который более похож на студента, чем на директора, праздновался очередной «Семейный вечер», и участниками его были только бабушки и дедушки, которым предлагалось в качестве входного билета сбросить груз прожитых лет и превратиться в веселых и чуточку легкомысленных молодых людей, и билеты эти были нарасхват.

А Центральное телевидение ГДР с удовольствием вело прямую передачу, включив «Семейный вечер» в свою еженедельную популярную программу «Берлин-оригиналь», и надо было видеть, как задорно светились глаза операторов, когда они, пританцовывая, катали по залу свои камеры.

Наверное, самым скучным человеком на этом вечере был один из почетных гостей, автор этого рассказа, который по просьбе ведущего — известного берлинского юмориста Йохана Петерсдорфа — мрачно готовился ответить на несколько глобальных вопросов, касающихся юмора как такового. Обдумывая их, он невольно, с тихой грустью, противопоставленной программе, вспоминал своих бабушек и дедушек, коротающих время с вязаньем перед телевизорами или скучающих на скамейках возле подъездов. Вспоминались также деловые дети и внуки, видящие в стариках только зорких нянь, сторожей и кухарок.

И автор подумал: где, на каких километрах жизненной дороги теряются эти огненные чарльстоны и танго и куда уходит та самая замечательная молодость, которая нигде не должна исчезать, ибо, оказывается, никто не умеет так задорно веселиться, как жизнерадостные молодые люди, которым всего лишь за семьдесят!

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОЛОГ ФЕЛЬЕТОНИСТА

Живулька	3
Ау, соседи!	8
Прощание с героем	13

МОРАЛЬНЫЙ ТУПИК

Погорелец	15
Федьке — звонить вечно	18

ЭХ, ПРОКАЧУ!

Пешеход за рулем	22
----------------------------	----

СЕМЕЙНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Схожу-ка я замуж	25
Ночной визитер	28

ПАРОДИИ

Граната под сиденьем	32
По кирпичику	33
Выстрел в спальне	34

МЫ С ЧИТАТЕЛЕМ ВДВОЕМ

«Талант в опасности»	36
--------------------------------	----

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

Песец, который едва не расстроил свадьбу	40
Долгая полночь	42
Как сорвалась ревизия	43
Печальный человек с портфелем	44
Где теряются чарльстоны?	46

АЛЕКСЕЙ ИОСИФОВИЧ ХОДАНОВ

СХОЖУ-КА Я ЗАМУЖ!

Редактор А. А. Суконцев.

Тех. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 16.07.80 г. Подписано к печати 20.01.81 г.
А 05015. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,1.
Учетно-изд. л. 2,67. Тираж 75 000. Изд. № 2997.
Заказ № 2794. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.